

Насколько тяжело начинать путь, заранее зная,
что он приведёт к плохому концу?

Пролог

Мне несвойственно изливать эмоции подобным образом, но я решил, что должен вам, мои потомки, хотя бы это. Вероятно, я эгоист, потому что из-за своего решения поставил клеймо убийцы не только на себя, но и на весь свой будущий род. Хотя в момент смерти моей сестры я не думал о будущем, не думал о вас. Мгновения до этого, казалось, я держал подлинное счастье в руках, а потом наблюдал, как оно рассыпалось в пепел, и не верил, что проживу настолько долго.

Однако теперь я не в силах донести до могилы и закопать правду вместе с собой и оправдываюсь через чернила и бумагу. Как трус перекладываю тайну на вас и отдаю бремя решения, что делать с такой истиной. И также жажда вашей любви толкает меня на это.

Настоящий эгоист...

...хочу, чтобы мои дети и дети моих детей любили меня, ведь я пытался сделать как лучше.

Бумагу, кстати, я выкрал у Исара пару лет назад. Он всегда отличался умом, а я, услышав о том, что он создал бумагу, способную сохраниться несколько тысячелетий, не смог удержаться и не проверить. Если честно, с трудом верю, что она не истлеет раньше, но если спустя столетия мои записи

всё ещё целы, то передайте потомкам Исара, что их предок постарался на славу!

Уверен, вы знаете о моей семье и о Первых. Я сам уже слышал, как историю нашей судьбы передают словно легенду. И как всякий рассказ, который передаётся из уст в уста, из раза в раз, она обрастает новыми событиями и небылицами, а что-то полностью исчезает из повествования, будто и не было.

Поэтому я решил рассказать всё сам, чтобы хоть вы, мои дети, знали правду такой, какая она есть, потому что я не стану ничего скрывать. И, несмотря на свою недолгую жизнь, именно моя прекрасная младшая сестра Теяла, наша маленькая Тея... стала ключевой фигурой, изменившей всю нашу жизнь.

Её красота была поистине неземной. Каждый проникался к ней доверием, стоило ей только улыбнуться. Влюблялся, слушая её мелодичный смех. Они вставали на колени, видя звёзды в её глазах, чувствуя аромат волос, когда она проходила мимо. Однако вся правда в том, что Тея была отравой в нашей семье, ну а я — главный глупец, потому что единственный, кто пил её яд добровольно.

Но уверен, что лучше будет, если я начну с самого начала.

Здравствуй, меня зовут Илос, и я четвёртый ребёнок в нашей семье.

1

ΚΟΙΛΕΥ

Глава 1

Наша мама была прекраснейшей из виденных мной женщин, и даже когда годы медленно брали своё, по красоте с ней могла тягаться лишь её единственная дочь. Нашу маму звали Роксана, и говорили, что это имя означает «рассвет». Каждый, кто слышал об этом, начинал понимающе кивать, соглашаясь, что такое имя идеально ей подходило. Её длинные волосы отливали медью, а под лучами алого солнца напоминали пламя костра. И сколько бы другие ни говорили про «рассвет», я видел в своей матери горящий вечерний закат, особенно глядя на её широкую улыбку.

Эта ли красота покорила двух мужчин, ставших её мужьями? Или, может быть, маленький рост и хрупкость, которые у меня и братьев вызывали желание её защищать? А может, огонь в сердце и сгубившая её безграничная любовь к каждому из пятерых детей?

Почему я начал рассказ со своей мамы?

Я и сам не уверен, но, вероятно, именно её кончина разорвала последнюю нить некогда существовавшей крепкой привязанности между мной и моими братьями. Мне хочется верить, что если бы этого не произошло, то даже после потери сестры мы могли бы остаться вместе, прийти к соглашению. Но мама умерла. И тогда между нами

не просто оборвалась связь, а разверзлась целая пропасть. Отчасти я сам был не прав, когда, одинокий и рассерженный, с разодранным на куски сердцем, не попытался сделать шаг к ним, а развернулся и ушёл на юг. Следом ещё и гибель отца...

Но вернёмся к разговору о Роксане.

Задолго до моего рождения, в юном возрасте, мама вышла замуж за высокого, голубоглазого северянина. Я бы сказал, что ничего не помню о нём, но, по правде, я ничего особо о нём и не знал. Мне рассказали только то, что он был солдатом, а окончив службу, стал историком. Он писал книги и увлекался изобретательством. Мне неизвестно его имя, пару раз я видел единственный сохранившийся портрет, спрятанный на чердаке нашего дома. Тот холст и два моих старших брата — Исáр и Кáйд — остались напоминанием о существовании того мужчины.

Судя по портрету, Кáйд вырос копией своего отца — с ясными синими глазами и светлыми волосами. Исáру — старшему из нас — досталась внешность мамы. Разве что медный оттенок его волос вышел более блёклым. Я хотел узнать больше об отце моих братьев, но мама расстраивалась и замыкалась в себе всякий раз, как слышала вопросы о нём. Поэтому я до самого конца так и не понял, бросил ли он её с двумя детьми или же умер.

Затем мама вышла замуж во второй раз. Её избранником стал путешественник, прибывший из-за моря. Будучи выходцем из другого народа, он стал полной противоположностью первому мужу. Его кожа хоть и была светлой, но волосы казались чернее самой ночи, а раскосые глаза были пугающего бледно-серого оттенка. Вопреки первому впечатлению, он часто улыбался и когда-то верил, что не сможет жить на одном месте без движения, без бесконечного пути, но, встретив и по-

любив Роксану, не смог её покинуть даже на миг. У них родился мой брат Шэйи, а спустя годы ещё двойня — я и Теяла́. Отца звали Райян, и знакомые с нашими родителями часто повторяли, что он был готов бросить весь мир к ногам Роксаны, а всех её детей любил как своих собственных. Вот такой многочисленной семьёй мы встретили конец старого мира.

Удивительно и почти невозможно, но мы все выжили.

В момент катастрофы самому старшему, Исару, было пятнадцать лет, а мне и Теяле едва исполнилось по семь. Мы умели писать, читать и считать, с неохотой, но часто помогали родителям и старшим братьям по хозяйству на нашей ферме. Мы могли бы жить в многолюдном городе, но отец не желал долго находиться среди каменных стен, поэтому мы росли в не самом новом и просторном, но отдельном доме на личной территории. Жили обособленно, но всего в часе ходьбы от ближайшего малонаселённого города, куда мы с сестрой уже год ходили в школу вместе с остальными братьями.

Несмотря на блага развивающейся цивилизации, родители слишком любили природу, поэтому все мы с детства помогали им в поле, имели навыки в возделывании почвы, разбирались в травах и диких ягодах, а лошади были нам привычнее велосипеда. Отец также научил нас стрелять из лука, потому что использование этого оружия продолжало быть популярным в местах, где он вырос. Но не в качестве средства охоты или способа убийства, а как вид спорта. Склоняясь над многочисленными картами, отец рассказывал нам про свою страну и их нравы. Таких, как он, называли «людьми востока», в основном они временно жили в прибрежных городах, куда прибывали их корабли. Из-за различия в традициях и менталитете лишь едини-

цы, как отец, решались надолго осесть на чужой земле. И даже из них многие, спустя годы жизни вдали от родных краёв, не выдерживали и уплывали обратно. Райян же любил нашу семью и глушил тоску по родине, восторженно повествуя о странах за морем.

По его рассказам, наш дедушка был мастером меча и жил за счёт преподавания. Отец, будучи его воспитанником, обучал меня и моих братьев, пообещав свозить нас к себе на родину на спортивные соревнования, если мы будем стараться. Мы с Кайдом вопили от радости, хотя тренировались без особого усердия, предпочитая занятиям весёлые игры с сестрой. Наше обучение луку и мечу было исключительно ради забавы или простых соревнований, но никто не мог и предположить, что эти знания настолько пригодятся в ближайшем будущем. Скорее всего, именно они и помогли нам выжить. Мы словно заранее подготовились к предстоящим трудностям.

Ко всем, кроме наших Даров.

Стоял конец осени, но благодаря тёплому климату нас не пугала приближающаяся зима. В отличие от жителей более северных территорий, где реки покрываются льдом, мы видели снег всего пару раз в год в самые морозные ночи.

Я не помню, что мы делали в тот солнечный осенний день, чем завтракали или о чём говорили. Однако я отчётливо сохранил в памяти момент, когда в окна ворвался слепящий свет. Через несколько секунд он начал угасать, возвращая пейзажу краски, и тогда задрожала земля. Помню, как Тея по привычке схватилась за мою руку и испуганно посмотрела на меня, ожидая объяснения. Я открыл рот, чтобы выдать какое-нибудь предположение, но ужасающий грохот разом выбил все окна в доме.

От первой ударной волны мы успели укрыться в глубоком подвале, где родители хранили съестные припасы и заготовки на зиму. К счастью, ко дню катастрофы там уже был собран новый урожай. Потом началось землетрясение и извержение вулкана, в который, как мы позже узнали, попал метеорит. В будущем куску космического камня, разрушившему нашу жизнь, дали простое и романтическое название «Звезда».

Вероятно, расположение холма за нашим домом стало ещё одним удачным фактором в череде совпадений, спасших жизнь нашей семье. Живи мы на открытой равнине, ударная волна снесла бы нашу ферму как карточный домик, но мы отделались сломанной стеной да полуобрушенной крышей.

Взрыв и землетрясение стали лишь началом трагедии. Из-за попадания метеорита в вулкан лава вырвалась наружу, огромный столб огня уничтожил ближайшие к нему города. Единственным спасением для живущих дальше стало образование кратера на месте вулкана. Лава, потеряв былой напор и оставаясь в низине, не принесла масштабных разрушений.

Так всё и произошло. Несколько десятков секунд при ударе Звезды о землю выдернули нас из одного мгновения и бросили в другое. У нас была стабильная жизнь, планы на будущее и сменяющийся четырежды в год пейзаж за окном, но всё изменилось так быстро, что родителям потребовалось больше суток для осознания, что ничего не будет как раньше.

Мы с Тяялой дольше всех не могли понять, почему с того момента воздух приобрёл странный запах, почему спустя часы солнце скрылось за угольно-чёрными облаками и почему с неба посы-

пался пепел, превращая некогда золотисто-бурый осенний мир в грязь.

Я не буду вдаваться в подробности нашей жизни в те, в прямом смысле, тёмные три года, которые позже назвали Чёрной Зимой. Об этом говорится в исторических книгах, нынче хранящихся в библиотеках всех четырёх стран. Скажу только то, что десятилетиями стабильно прогрессирующее общество, отказавшееся от агрессии и разработок оружия, очень быстро поглотил хаос. Остатки крупных городов стали эпицентрами паники, люди, ещё вчера соглашающиеся, что насилие приводит лишь к упадку, бросились остервенело сражаться за запасы и собственную жизнь. Те же, кто до этого сдерживал в себе жестокость и жажду быстрой наживы, наоборот, получили свободу. Неразбериха, страх из-за катаклизмов, разрушение привычного уклада жизни, развал политической и экономической систем, религиозный фанатизм и проповедование конца света... Ни одной из новых группировок власти не удалось удержаться и взять под контроль массово паникующих людей, борющихся за собственное выживание.

Всё это мне стало известно намного позже — в первый год родители и братья оберегали меня с сестрой от этих новостей, не желая пугать. Несмотря на весь первоначальный ужас, благодаря обильному, заранее собранному урожаю, нескольким уцелевшим курицам, ферментированным зимним заготовкам и наличию колодца первую зиму мы пережили относительно нормально. К счастью, родители с самого начала экономили, и запасы удалось растянуть на год. Затем нам пришлось отправиться в путь на поиски более подходящего убежища с едой и водой.

В силу своего возраста я делал то, что велели родители и старшие братья — Исар, Каид и Шейн.

Главной моей задачей было следить за сестрой, заботиться о ней и успокаивать. Вследствие произошедшего Тея сильно изменилась. Из весёлой девочки она превратилась в пугливую и недоверчивую, а за мою руку цеплялась до синяков.

Мы двое постоянно находились рядом. Я был тем, кто переключал её внимание на себя, отвлекая от безжизненных пейзажей. Тем, кто быстрее остальных замечал её слёзы и терпел хоть и немногочисленные, но капризы. В те годы мы были по-настоящему близки, как части единого целого. Мы спали вместе и делили скудную еду на двоих, а Тея отказывалась общаться с другими детьми, помимо своих братьев. Без меня она отказывалась даже выходить за порог палатки, в которой мы часто ночевали с Каидом или мамой.

Покинув дом, отец повёл нас к побережью на восток, чтобы найти корабль и отвезти нас на свою родину. Он надеялся, что та не пострадала. На землях, ныне принадлежащих Исару, недалеко от территорий, где сейчас стоит его главный город Сабон, мы нашли поселение выживших и увидели, что прибрежная линия сдвинулась, сильно сократив размеры Континента. В том поселении мы встретили удивительно много «людей востока», прибывших из-за моря. Они спаслись после кораблекрушения и донесли жуткую весть, что родины нашего отца больше не существует. Оказалось, Звезда была не единственным метеоритом и помимо неё ещё множество подобных космических тел упало на разные земли. Так мы узнали, что нам некуда плыть. Земля под нашими ногами — всё, что у нас осталось, покуда из-за моря не приплывут другие и не расскажут, есть ли континенты безопаснее. Все ранее написанные карты стали бесполезными, а запасов еды было слишком

мало, чтобы отправляться в плавание без точного пункта назначения.

В последующие полтора года мы обошли всю территорию нынешнего Исара, но самым подходящим для жизни стало поселение выживших, на месте которого позднее вырос прекрасный город Астара, прозванный «Жемчужиной принцессы» в честь нашей Теялы. Изначально мы направлялись дальше на запад, где когда-то был один из самых крупных городов, но в той стороне тоже произошёл разлом, и город был полностью стёрт с лица земли, погребённый под водой.

Почти три года мы провели в серых сумерках, забыв про смену сезонов и потерявшись во времени. Солнце сквозь тучи виднелось лишь блёклым свечением. Мы по-прежнему пользовались календарём и летний период продолжали называть «летом», хотя его трудно было отличить от любого другого времени года. Отравленная пеплом и сажей земля не покрывалась свежей травой, а все новые листья на деревьях жухли и вновь отмирали за месяцы. Нас окружали серость и холод, а зелень картофельной ботвы или рисовых полей, которую нам с братьями иногда удавалось видеть, казалась какой-то бесцветной, с налётом коричневого, совсем не похожей на ту насыщенную зелень, которую можно было лицезреть раньше по весне.

Температура ощутимо опустилась, в северных землях существование стало практически невозможным, на юг же люди не ходили из-за растилающейся безжизненной пустыни. Всем было известно, что почва там неблагоприятная. В итоге, единственные возможные для жизни территории сохранились в центральной части Континента.

В те годы я начал постепенно забывать бескрайнюю голубизну неба и буйную зелень лесов, тепло солнечных лучей, ароматы цветов и весен-

ней травы, я едва помнил сладкий вкус зелёной дыни и персиков, которые любила сестра. О фруктах в те годы можно было разве что мечтать. Тогда даже яблоко стало на вес золота, потому что все оставшиеся плодородные земли были отданы на что-то более нужное и способное выжить: вроде пшеницы, редиса, картофеля. Хотя с переменным успехом выращивали рис и кукурузу. И всё же еды не хватало, как и чистой воды. Поэтому люди продолжали умирать от голода и болезней. Многие кашляли, в воздухе оставалось слишком много пыли, поэтому всякий раз, выходя наружу, мы прикрывали лицо масками.

Несмотря на все тяготы существования, обрушившиеся на нас после падения Звезды, — мы выжили. Вся наша большая семья. Мы дожили до того дня, когда мои братья и сестра смогли спасти всех остальных.

Почему только мои братья и сестра?

Потому что я был единственным, кто в тот период не сделал для людей ничего. Однако правду о том, что позже натворил я, не знает практически никто.

~ ~ ~

Дар. Нам неизвестно, почему он появился. Были ли мы избраны богами, а наши способности — это подарок откуда-то свыше? Или Дар — просто ошибка мутации оттого, что мы жили так близко к упавшей Звезде? Может, мы оказались недостаточно удачливы, чтобы умереть быстро, как все остальные в нашей округе в тот день?

Иронично, но почти ровно через три года после катастрофы, в очередной осенний день в наших руках появилось спасение. До нашего с Тяялой десятого дня рождения оставалась пара недель. Мы смогли узнать это лишь по подсчётам через не-

сколько лет, потому что три года мы отсчитывали сезоны грубо, без точных дат.

В тот период наше поселение выживших насчитывало более тысячи человек, мы заняли и восстановили ранее полуразрушенный посёлок. Никто не стремился возвращаться в мегаполисы, многие из них располагались вдоль побережья и первыми либо откололись при разломах, либо были затоплены. Города, построенные дальше от береговой линии, не выдержали землетрясений. В итоге целыми остались ранее малообжитые территории.

Большие города также грозили опасностью из-за возможных новых подземных толчков, болезней после разложения мертвецов или мародёров, ищущих, чем поживиться. Да и плодородная земля с водой стали важнее всего, поэтому люди образовывали мелкие поселения поближе к равнинам и рекам.

Родители обладали обширными знаниями в сельском хозяйстве, поэтому нашу семью уважали, а к отцу часто приходили с вопросами или за помощью в разрешении проблем, сделав его негласным главой нашего маленького сообщества. Спустя годы, под конец своей жизни, я понял, что даже в то время Райян был настроен оптимистично, не терял веры, что однажды всё изменится, и именно поэтому пытался сохранить не только жизнь, но и подобие цивилизованного общества с порядком, культурой и законами.

Многие книги были сожжены людьми в первые годы — нужда в тепле преобладала над необходимостью сохранения знаний. Мы тоже использовали страницы как растопку, а собранную библиотеку бросили в старом доме, зная, что книги — лишний груз для странствий в попытке выжить. Поэтому при первой же возможности отец с благоговением начал собирать найденные остатки книг, а затем

заставлял меня и моих братьев прочитать их все, решив, что лучше хоть частично сохранить знания в памяти, чем вовсе не обладать ими.

У старших братьев Дар проявился в один и тот же день, но с разницей во времени. Первым стал восемнадцатилетний Исар. С короткими волосами и светлой щетиной, которую брат не трудился сбривать, он уже казался взрослым мужчиной, обогнав в росте нашего отца. В тот день на рассвете он застонал и скрючился от боли. Мы думали, что ему плохо из-за знакомого голода, но потом Исар, шатаясь, вышел на улицу из обжитого нами дома и, будучи не в силах сдержать что-то в себе, взорвал небо.

Всё задрожало и загудело, когда брат упал на колени, а в тёмные висевшие сверху тучи ворвался поток его воздуха, пробивая серость и показывая нам забытые цвета разгорающейся зари. Мы и все вышедшие для работы люди испуганно замерли в тишине с обращёнными вверх лицами. Сам Исар выглядел шокированным. Моргнув несколько раз, он шумно выдохнул с заметным облегчением после приступа боли, а затем поднял руки и с натужным криком развёл их в стороны. Потоки воздуха разбили окна окружающих домов, опрокинули зрителей с ног и разорвали пыльные тучи надвое, открыв нам настоящие краски восходящих лучей тёплого солнца. Собравшаяся вокруг толпа судорожно вздохнула, не веря своим глазам и щурясь от света, а Тея, по привычке державшая меня за руку, учащённо задышала вместе со мной.

Трёх лет в сумраке оказалось недостаточно, чтобы люди сразу с лёгкостью поверили в чудо. Недостаточно, чтобы они возрадовались спасителю, который очистил небо, позволяя вновь взглянуть на солнце. Я помню, как все мы, словно новорождённые дети, неуверенно поднялись на ноги, боясь оторвать взгляды от забытой красоты. Помню,

как люди плакали от радости, пока смотрели на светлеющее рассветное небо, но потом опустили глаза вниз и поняли, что это чудо сотворил человек. *А человек такого уметь не должен.*

Тогда они испугались Исара и того, что ещё он может.

И люди напали на брата, страшась.

Мы с Шейном защищали сестру, мама и папа пытались помочь Исару, силились добраться до старшего сына сквозь толпу, которая набросилась на него с кулаками и вопросами. По-настоящему смог помочь только Каид, который проскользнул к брату первым и, будучи вторым ребёнком в нашей семье, вслед за Исаром проявил свой Дар, слепя всех светом.

Наверное, мне бы стоило испугаться, ведь нет ничего более нереального, чем человек, кожа которого жжёт глаза лучами давно не виденного света. Однако я помню, что улыбался, глядя на родного брата. В образовавшейся тишине люди отошли в стороны от Исара и Каида. Последний дышал сбивчиво, а его свет медленно затухал, будто искрящаяся вода стекала по его оголённым предплечьям в сжатые от злости кулаки. Шестнадцатилетний Каид, сверкая синими глазами, огрызался и замахивался светящимся кулаком на каждого, кто пытался дёрнуться в сторону Исара. Нападающие смиренно отступили, с благоговением глядя на худощавого подростка.

И вот тогда я понял, что люди видят свет как нечто доброе, истинное и несущее спасение, словно он может быть только хорошим. *Но что в действительности для этого мира мог бы сделать свет Каида без воздуха Исара или Дара Воды Шейна, открывшегося позже?*

Люди замечали лишь Дар Света, а я видел испуганного и вместе с тем озлобленного брата, который спас Исара, когда даже родители не смогли.

Никто не напал на Каида, толпа отступила, видя в светловолосом мальчике спасение, люди уже забыли, что именно Исар очистил небо. После они плакали и смеялись, глядя на рассвет и местами ясный небосвод, а родители, воспользовавшись всеобщим отвлечением, завели нас всех обратно в дом, чтобы попытаться разобраться в произошедшем. Мы с Теялой молча сидели рядом на краю кровати, наблюдая, как много часов подряд Каид и Исар отвечали на вопросы папы и мамы. Мы послушно оставались на месте и вертели головами, пока мама в слезах нервно мерила шагами комнату. Родители теряли дар речи каждый раз, как просили Исара использовать воздух. В итоге старший брат, неудачно взмахнув рукой, сломал оконную раму и смёл оставленную на столе посуду.

— Покажи ещё раз, — несмело попросил я Каида, когда родители и старшие братья устали спорить и обсуждать увиденное. — Каид, покажи ещё.

Брат улыбнулся мне, вытянул вперёд сжатую в кулак руку и, не сумев совладать с силой, залил светом всю комнату. Родители поморщились, прикрывая глаза руками, Тея вскрикнула, прячась под одеяло. Один Исар успел отвернуться. У меня же перед глазами несколько минут плясали белые пятна, а Шейн не мог остановить слёзы, пытаясь сфокусировать взгляд.

Каиду контроль дался чуть лучше, чем Исару. Брат медленно приглушил свечение до слабого мерцания на коже, и только кулак остался светиться ярко, но больше не причинял боли глазам.

— Хочешь потрогать, Илос? — с гордостью спросил Каид, когда я с жадностью рассматривал свечение.

Я энергично закивал, желая прикоснуться к теплу. Каид протянул мне ладонь, но Теяла перехватила её первой, упрямо вцепившись в неё

пальцами. Наша маленькая сестра уже тогда была жадной. Каид сел между нами, заставляя и вторую руку сверкать, чтобы и я, и сестра могли ухватиться за каждую, пробуя на ощупь настоящее тепло, которое с тех самых пор у меня всегда ассоциировалось с Каидом.

Мы веселились полдня, заставляя Исара поднимать небьющиеся вещи в воздух, до момента, пока Шейн не стал третьим обладателем Дара и не заставил воду из наших кувшинов подняться вверх к потолку.

Мама с папой, не зная, чего им ждать, то и дело обращали взгляды ко мне и Теяле, но мы с сестрой продолжали покорно сидеть рядом, не понимая, какое чудо можем продемонстрировать. В тот день мы единственные не сделали ничего сверхъестественного.

Далее люди с опаской, но жгучим интересом наблюдали за чудесами, которые творили братья. Они работали в тандеме: Исар расчищал небо, а Каид притягивал свет. Отец потратил дни, убеждая соседей, что ни один из братьев не причинит никому вреда. Дарам не было объяснений, и люди ударились в веру в знамения и высшие силы. Родителям такой поворот не понравился, но они не стали пытаться кого-либо переубеждать, понимая, что подобная вера защитит Исара, Каида и Шейна от агрессии хотя бы на время. Шейн медленнее остальных учился справляться с Даром, управление водой давалось ему нелегко, поэтому прилюдно его способности не демонстрировали.

Несмотря на то что я был четвёртым и мой Дар должен был проявиться следующим, вне правильного порядка через неделю открылся Дар Теялы. Сперва родители и старшие братья испугались, глядя, как Тея случайно подожгла сухое дерево. Они переживали, что огонь слишком опасен в руках де-

сятилетней девочки. Но наша маленькая Теяла хоть и была замкнутой, но обладала спокойной и доброй натурой, поэтому я не испытывал страха, зная её лучше всех. Вероятно, именно из-за своей слепой самоуверенности я разглядел, как же с возрастом она изменилась и какой стала на самом деле, только когда эти изменения ударили меня прямо в лицо.

Родители хорошо нас воспитали и умело контролировали способности моих братьев и сестры. Они всегда находились с нами рядом, подсказывая, какие поля и мёртвые деревья сестра должна сжечь, где находятся русла рек, которые Шейну нужно вернуть, в какие периоды для хорошего урожая посевам необходимо больше света Каида. Родители не смогли помочь лишь мне, не зная, как применить с пользой то, чем я владел.

Мой Дар проявил себя спустя месяц после Дара Теялы. Я случайно затопил тьмой весь наш дом в ответ на свет, с которым Каид играл. Стояла ночь, и это уберегло меня от нежелательных свидетелей. Откройся правда сразу, вряд ли даже вся семья смогла бы спасти меня от страха и самосуда толпы, особенно после трёх лет Чёрной Зимы. Ведь если в свете люди видели добро, то во тьме — смерть, боль и отчаяние.

Годы спустя слухи о моём Даре, конечно, просочились. Кто-то утверждал, что видел, как я применяю способности или тренируюсь в их использовании. Я не мог отвернуться от своей сущности и притвориться, что у меня нет особых сил. С самого открытия Дара он стал частью меня, как рука или нога. Однако я был аккуратен и прятался от свидетелей. Отсутствие прилюдной демонстрации спасало меня первые семь лет. Потом я стал достаточно сильным, чтобы люди начали опасаться меня и без видимого Дара, хотя плодящиеся вокруг моей личности рассказы этот страх только усиливали.

В тот первый вечер моя тьма густым туманом заполнила каждый угол нашего дома. Её не смог разогнать воздух Исара, Каид с трудом притянул сквозь темноту скудные искры света, а вода Шейна и огонь Теялы вовсе оказались бесполезны против моей тьмы. В тот вечер все звёзды и луна скрылись из вида, когда я случайно опустил настоящий мрак на весь наш небольшой городок. В те минуты отец ругался, не зная, что делать, потому что ничего не видел. Тея в темноте звала меня по имени дрожащим голосом, а мама заплакала. Осознание, насколько я их расстроил, напугало меня. Не зная, как всё исправить, я втянул темноту в себя. Моя семья шокированно наблюдала, пока чёрный туман стекался ко мне, как к родному, покорно стелясь по полу. Мрак исчез в моей собственной тени, и тогда даже сестрёнка побоялась взять меня за руку.

В тот день я пообещал родителям никому не открывать свой Дар и впредь не применять его во все. Впервые Исар и Шейн глядели на меня с недоумением: словно я незнакомец и они видят меня впервые. Разве что Каид удивил меня сильнее всех, придя ко мне перед сном и сказав:

— Покажи мне, Илос. Покажи ещё раз свою тьму.

Каид улыбался, а его глаза сверкали озорством и нескрываемым интересом. И, вероятно, именно благодаря брату в будущем я сдержал первую часть обещания, данного родителям, но вторую не смог, втайне выясняя пределы собственных сил, гадая, что я могу и ради чего мне достались такие способности.

~ ~ ~

В последующий год произошло то, что и предрекал наш отец. Как только был собран первый хороший урожай, люди удивительно быстро позабыли страх перед голодом и принялись делить

землю как личное имущество. Кто-то радовался совместному труду, пока другие хотели либо править, либо жаждали отобрать плоды чужой работы.

Территория Континента осталась достаточно большой, а люди — разобщёнными, чтобы за год создать централизованную власть. К тому же не было известно, насколько много в действительности выжило.

Подгоняемые доказательствами в виде расчищенного неба, поползли слухи о нас пятерых, в то время как мы сами хотели просто спокойно жить. Однако все выжившие «люди востока», услышав об отце, стекались к нашей общине, помогая ему сохранить их культуру и традиции. Присоединились и другие, желающие жить поближе к Первым. Кто-то приходил, слыша о чудесах и веря, что мы избранные, другие понимали, что рядом с нами всегда будет пища и вода. С ростом почитателей таяли наши шансы на спокойную жизнь и возможность отмахнуться от чужих ожиданий. Количество полагающихся на нас людей стремительно увеличивалось, и мы никак не могли это остановить, слишком поздно осознавая уровень растущей ответственности.

Так невольно начала развиваться Астара. Одновременно с этим до нас доходила молва об объединении выживших в Сабоне и даже на севере, что опровергало слухи об опустевших землях. Меньше всего мы слышали про юг, но в ту сторону едва ли кто смотрел, зная о бесполезности песков для земледелия, и ту территорию никто делить не желал.

Мои братья и сестра усердно работали над восстановлением прежних условий жизни, но использование Дара давалось непросто и требовало огромного количества сил и энергии. Каид и Исар

платили сильной усталостью, у Шейна могло начаться обезвоживание, но хуже всего Дар давался Теяле. Казалось, что огонь пожирал не только воздух вокруг, но и кислород в её собственных лёгких, поэтому, используя Дар дольше, чем следовало, Тея начинала задыхаться. Для этого рядом с сестрой всегда были Исар со своим воздухом и я, просто потому, что мы всегда были неразлучны.

За три года Чёрной Зимы мы лицом к лицу встретили смерть, она стала обыденным событием. Я бы хотел заверить, что это всегда была естественная смерть от голода или холода, но нет смысла врать. Убийства за еду или одежду тоже были частым делом.

Здесь нам и пригодилось умение обращаться с луком и холодным оружием. Навыки охоты стали важной частью выживания. Если же говорить о людях, то Исар и Каид впервые оборвали чью-то жизнь в первый год после катастрофы, защищая маму. Я же в первый раз убил человека в свои одиннадцать, когда на нас с Теялой напали двое мужчин. Спустя пару лет, припомнив подробности, я понял, что они хотели изнасиловать мою сестру, а та, хоть и владела к тому времени огнём, но оцепенела, напуганная. Первого я убил ударом ножа в горло, со вторым разобрался подоспевший Каид.

Красота сестры притягивала людей, и после нашего двенадцатого дня рождения на Тею напали вновь. В тот раз сестра сожгла всех троих нападавших. Они избili меня, а к ней не успели и притронуться. Свидетели разнесли весть о силе Теялы, и больше подступаться к ней с подобными грязными замыслами никто не смел, но мы с братьями всё равно ревностно оберегали сестру, бросая неодобрительные взгляды на каждого, кто засматривался на неё дольше, чем должно.

Глава 2

— Держи меч выше, Илос!

Исар ударил клинком по моему тяжёлому мечу, когда я опустил лезвие слишком низко. Раздался звон стали о сталь, и я невольно скривился от того, как он резанул по ушам. Старший брат был явно мной недоволен.

— Сколько раз говорить?! Через полгода тебе исполнится тринадцать. Ты давно не ребёнок. Соберись!

Он был прав, с того года я особенно быстро начал расти, и наша разница с сестрой становилась всё заметнее. Благополучие и жизнь родных зависели от наших способностей защищаться, поэтому мы только и делали, что тренировались. Если не с холодным оружием, то с Дарами, а если тело изнывало от усталости, то отец заставлял нас развивать мозги и читать, восполняя пробелы в знаниях. Среди выживших «людей востока» нашлось даже несколько учёных, которые весьма охотно стали нашими преподавателями.

Мы тренировались на заднем дворе нашего нового, просторного дома. Стояла тёплая погода. Наконец наступила моя любимая весна, и я витал в облаках, вместо того чтобы отработать своё занятие и закончить тренировочный бой достойно. Я не совсем понимал, зачем уметь обращаться с любым видом оружия, когда я уже неплохо справлялся с изогнутым восточным мечом, кинжалом и луком. Однако отец и братья обучали меня метать кинжалы, сражаться с копьём и щитом, а в тот день дали тяжёлый клинок. Он был мне не по весу, привычный замах не получался, меня постоянно вело в сторону, и я оставался неуклюжим.

Старший брат с детства был самым ответственным и покорным, поэтому освоил всё, что велел

отец. Затем Исар приступил к обучению братьев, а за ним подтянулся Каид, наслаждаясь физическими упражнениями и возможностью выпустить пар или разогнать скуку. Мы с Шейном были менее заинтересованы в постоянных тренировках, хотя понимали, что все эти способности не раз спасли нам жизнь и, скорее всего, пригодятся в будущем.

— Прости, Исар, но ничего страшного не произойдёт, если я пропущу одно занятие, — промямлил я, устав держать тяжёлый меч.

Я открыто улыбнулся брату, надеясь убедить его отпустить меня отдохнуть, но тот не клюнул на мою «очаровательную улыбку», как любила называть её мама. Брат нахмурился, недовольный отсутствием у меня старания. Занимаясь чем-либо, Исар выкладывался полностью и, к несчастью, от других требовал того же. Близился двадцать первый день рождения брата, и отец почти полностью переложил на него моё обучение.

— Каид, разберись с ним! — крикнул Исар другому брату, который, сидя на ближайшей скамье, с хрустом вгрызался в сочное яблоко.

Каид на время задумался, глядя исподлобья то на Исара, то на меня — и обратно. Брат с таким громким хрустом жевал ярко-зелёный фрукт, что я почти чувствовал кисло-сладкий привкус на языке.

— Хорошо. — Каид растянул губы в привычной хищной улыбке и выкинул остатки яблока в кусты, лениво поднимаясь с места.

Каид до хруста в позвонках потянулся, разминая спину и шею. Ему почти девятнадцать, будучи вторым по старшинству, он перенял часть обязанностей Исара и стал моим любимым учителем в схватках врукопашную или на мечах. С ним скучная отработка ударов и защиты походила на игру.

Позже, спустя десятилетия после нашего расставания и разделения Континента на четыре стра-

ны, я слышал небылицы, что мы с Каидом никогда не ладили, так же как не могут ладить свет и тьма, но это откровенная ложь. И уверен, Каид, услышав это, тоже смеялся. Я ладил со всеми и любил каждого из своих братьев так же, как и они меня, но с Каидом мне почему-то было проще всего. Наши ссоры и драки становились не более чем игрой или братским соперничеством, и лишь однажды это переросло во что-то серьёзное.

— Когда ты уже научишься, братишка? — хмыкнул Каид, забрав меч из рук Исара. Он сделал несколько шагов ко мне, проворачивая оружие в руке. — Пора бы уяснить, что убедить Исара в состоянии только родители да Теяла. И порой даже сестре это непросто.

Что правда, то правда. Исар был для меня как третий родитель, наша разница в возрасте ощущалась почти физически.

Я бросил взгляд на самого старшего брата, карие глаза которого продолжали недовольно смотреть на меня. В отличие от Каида с длинными волосами, Исар оставался верным более короткой стрижке и всегда зачёсывал волосы назад, чтобы они не мешали. Старший брат был высоким и широкоплечим, а регулярные занятия с мечом, хорошее питание и физический труд помогли ему нарастить крепкие мышцы.

Больше двух лет мои братья и сестра помогали людям, используя Дары. Поселение разрослось до самостоятельного города, началось активное строительство, и за основу взяли архитектуру «людей востока», количество которых преобладало среди нас. Дома строили деревянные и невысокие, климат стал мягче, благодаря Каиду и Исару, а постройки в пару этажей не угрожали жизни при землетрясениях. Они повторялись не так часто, как в годы Чёрной Зимы, но никто не мог быть уверен-

ным, когда земля прекратит болезненно вздрагивать и полностью оправится после падения Звезды. Проявившихся Даров уже никто не боялся, даже наоборот, сформировался культ, восхваляющий нас как спасителей. Количество почитателей росло с немыслимой скоростью, из отдалённых земель люди непрерывно стекались к нам. Родителям с Исаром невольно пришлось взять на себя роли лидеров, хотя они никогда этого не желали. Началось формирование новой политической власти.

— Каид, мне нужно на совет с отцом. Проследи, чтобы Илос доработал отведённые часы, а затем можешь отпустить. — Исар хлопнул светловолосого брата по плечу и зашагал в сторону выхода с тренировочной площадки.

— Исар! — крикнул я ему вслед, надеясь на заповдалое снисхождение.

— Не смей отлынивать, Илос! — с громким смешком ответил он, не поворачиваясь.

— Проще отработать, братишка. Нытьё бесполезно и отнимает время. Даже Тея не канючит, как ты. — Ухмылка Каида стала шире, а я надулся, обиженный подобным сравнением.

— Конечно, нет! Её же никто не заставляет этим заниматься!

— Зачем ей оружие, если у неё есть огонь и четыре старших брата? — не моргнув и глазом, отнёл претензию Каид и напал первым, нагло воспользовавшись моим отвлечением.

Я отбивался как мог, но на тренировках Каид меня не щадил, а на мои проигрыши и обиды всегда возмущался, напоминая, что я могу лучше. Говорил, что видит во мне потенциал, которого нет в других, и со временем я стану сильнее своих учителей. Но потом, глядя, как я, измотанный, валялся на земле, всегда добавлял с усмешкой, что, прежде чем обогнать наставников, мне нужно хоть немного к ним

приблизиться. В ответ на моё напоминание о разнице в нашем возрасте, росте и весе Каид насмешливо фыркнул, называя моё оправдание «нытьём». Я злился на него за насмешки, но злость придавала сил, и я вновь упрямо поднимался. Каид взрастил во мне жажду соперничества и ненависть к проигрышам, делая меня похожим на него.

В мастерстве меча я ему уступал, но стоило брату кинуть в меня лучом света, как я с лёгкостью отбил атаку тьмой. Каид бегло осмотрелся, убеждаясь, что мы на тренировочном поле одни.

— Вот так уже интереснее, — пробормотал брат, опять атакуя меня Даром.

Только моя способность могла противостоять ему, поэтому Каид поощрял моё использование Дара. Мы тренировались вместе, радуясь возможности применять наши особенные силы. Хотя я и обещал матери никому не показывать тьму, но, наблюдая, как крепнут и расцветают с возрастом способности моих братьев и сестры, я не смог удержаться и тренировался по ночам. Каид прознал о моих вылазках и предложил свою помощь. Именно так, разделив мой секрет, он стал мне ближе всех.

Каид также первым узнал о моей способности исцеляться, на одной из тренировок брат сильно порезал мне руку, но травма исчезла быстрее, чем мы успели перевязать её. Затем я сам выяснил о возможности видеть прошлое через прикосновение. Это были мои «побочные Дары», как мы называли их позже.

Именно благодаря брату я узнал о силе родной крови, которая не позволяла мне увидеть прошлое близких без их позволения. Родственная кровь хоть и давала привилегию, но не все способности она блокировала, какие-то просто приглушала.

К этому периоду почти у каждого из нас проявились побочные силы. Исару снились вещие сны,

но он каждый раз сокрушался, что помнил разве что размытые отрывки. Каид научился становиться невидимым, хотя эта сила требовала усилий и сноровки, поэтому он активно тренировал новую способность. Шейн был чувствителен к эмоциям, считывая настроение людей — всех, кроме нас. Одна Теяла не проявляла других заметных особенностей.

Десятилетиями позже, анализируя всё произошедшее, я пришёл к выводу, что именно с моего тринадцатилетия, найдя крепкую опору в лице Каида, я ненамеренно, но стал шаг за шагом отдаляться от Теялы. Внешне казалось, что мы были всё так же близки, но на деле между нами словно образовалась полупрозрачная стена. Будто мы продолжали видеть друг друга, но подойти близко уже не могли. И будь я хоть немного внимательнее, смог бы заметить изменения и быстрее понял бы, какая же побочная сила досталась сестре.

Каид прекратил нападать своим светом, возвращаясь к отработке ударов. Несмотря на холодный ветер, я весь вспотел. Длинная рукоять меча скользила, пальцы ныли от постоянного напряжения.

— Каид, оставь Илоса в покое! — недовольно закричала Тея и побежала к нам, пока Каид наносил один удар стальным мечом за другим, а я едва успевал блокировать его лезвие или уворачиваться.

Чаще мы использовали деревянные мечи, но тогда был один из дней тренировок с настоящей сталью. От серьёзных ран меня спасали лишь страх, адреналин в крови и умение уклоняться. Теяла, как и мама, ненавидела, когда мы балансировали на опасной грани. Сестра боялась, что однажды один из нас не сможет вовремя остановить оружие и убьёт второго.

Тяела вклинилась между нами, закрыв меня собой, и одарила Каида недовольным взглядом серых глаз, точно таких же, как у меня.

— Отойди, мелюзга, мы ещё не закончили, — тяжело дыша, насмешливо бросил Каид. Я почти не видел пота на его рубашке, в то время как моя полностью прилипла к спине.

— Я уже не маленькая, Каид! Хватит меня так называть!

Она всегда злилась на это прозвище, а Каид специально дразнил её, дожидаясь обиженных воплей сестры.

— Я буду называть тебя мелюзгой столько, Тяя, сколько пожелаю, — упёрся брат, — и отойди, пока не попала под меч.

Как и все мы, Каид любил сестру, но и задирать её он любил ничуть не меньше. В ответ Тяя раздражённо топнула ногой, и между нами выросла невысокая полоса огня. Но сестра радовалась недолго, буквально через несколько секунд из дома вышли Шейн и мама. Шейн сразу потушил пламя Тяялы, а Каид язвительно улыбался сестре, пока та, недовольно хныча, выслушивала выговор от мамы за использование стихии для личных капризов и тем более против братьев.

Глава 3

ГОДЫ СПУСТЯ

— Добро пожаловать в Церу, — сказал мужчина средних лет, отвешивая неуклюжий то ли поклон, то ли кивок Каиду.

Вероятно, он пытался спародировать практикуемое в Астаре традиционное приветствие, которое мы переняли от «людей востока». Вышло абсолютно

непохоже, но ошибка была ужасной ещё и потому, что приветствовать в первую очередь нужно было Исара, как старшего и нашего будущего правителя.

Исар и Каид были похожи, но не настолько, чтобы их путать. Однако светловолосые и светлоглазые северяне со странной тягой видели в Каиде своего. Возможно, карие глаза Исара, перенятые от нашей мамы, их чем-то смущали.

Каид состроил кислую мину, а Исар спешил с коня первым.

— Мой брат — Каид — благодарит тебя за радужный приём, — скучающим тоном ответил Исар, стягивая с рук кожаные перчатки.

Встречающий нас то ли советник, то ли слуга неловко замялся, открывая рот, как рыба, выброшенная на берег. Он пытался подобрать подходящие слова извинения, но Исар оборвал его взмахом руки. Мы слишком устали, чтобы слушать чужие оправдания. Да и каждый из братьев хотел зайти во дворец и отогреться. Наступила весна, но в северных мёрзлых районах по-прежнему регулярно шёл снег.

— Отведите лошадей в конюшни и накормите. Это наши любимые кони, и они истощены дорогой, — приказал Исар, беглым взглядом окидывая дворец местных правителей.

— Да, конечно. Но позвольте спросить... вас только четверо?

Мужчина с таким недоумением вертел головой, будто ждал, что в любой момент за нашими спинами появится невидимая армия. Мы с Шейном переглянулись и оба спешили лошадей. Каид последним спрыгнул на землю.

— Да, мы путешествуем вчетвером.

— Но вы же...

— Первые? — вновь перебил Исар. Его голос оставался пугающе спокойным, но прямой взгляд,

устремлённый на собеседника, был сигналом его нарастающего раздражения. — Мы с братьями всегда путешествуем вчетвером. Сопровождающие нас задерживают. С вашими же проблемами мы уже разобрались, так что я желаю встретиться с местными управителями. Где они?

— П-простите. Они ожидают вас в зале...

— Прекрасно, — не желая дослушивать, оборвал Исар и уверенным шагом начал подниматься по лестнице ко входу, как к себе домой.

Встречающий, бросая нервные взгляды то на удаляющегося Исара, то на молчаливо стоящих нас, взмахом руки подозвал ближайших стражников и передал приказ позаботиться о лошадях. Я успел погладить своего серого коня по шее, прежде чем того увели.

— Тебе стоит пойти за ним, — посоветовал Шейн мужчине. — Просто говори, в каком коридоре, в какую сторону свернуть, и немедленно принеси ему горячего чая. Если он чёрный, то к нему принеси сахар или мёд. Исар замёрз. Горячий чай смягчит его нрав. Так-то он спокойный.

Одновременно с последней фразой мы все обратили внимание на грохот, с которым распахнулись закрытые двери. Исару хватило поднятия руки и резкого поворота кисти, чтобы поток воздуха распахнул перед ним преграду.

— *Обычно* спокойный, — неловко поправил себя же Шейн, слыша испуганные вопли прислуги.

Я сжал губы, сдерживая рвущиеся смешки, из-за чего получил неодобрительный взгляд от Шейна. Средний брат из-за своей эмпатии был более чувствителен к чужим настроениям и всегда старался сгладить обстановку. Исар сделал несколько шагов и скрылся внутри здания.

Слова Шейна никак не подействовали на встречающего, тот, наоборот, испуганно оцепенел. Тогда

Каид растянулся в своём угрожающем оскале и выдал одно-единственное:

— Беги.

И мужчина припустил за Исаром. Улыбка ментально сползла с лица светловолосого брата.

— И почему это только Исару нужно подать чаю? — обиженно бросил он Шейну. — Мы замёрзли ничуть не меньше.

— Потому что Исару предстоит переговоры с местными главами. Ты же знаешь, что это споры на несколько часов кряду.

— Может, проще их убить? — лениво поинтересовался Каид, когда на лестницу выбежали слуги, предлагая и нам пройти внутрь.

— Ты же понимаешь, что эта шутка была смешной лишь в первые пару раз? Убьём — и застрянем здесь ещё на пару месяцев, выбирая подходящих преемников, — недовольно отозвался Шейн, и они вместе стали подниматься по лестнице.

Я обернулся, чтобы взглянуть на раскинувшуюся в низине Церу. Здешние места достаточно далеко от вулкана, поэтому их не задело падением Звезды. Основные проблемы доставили землетрясения и холода. Поэтому люди вернулись в эти земли только после открытия наших Даров и потепления климата. Однако по возвращении они столкнулись с бандитами и мародёрами. Жаждающих отбирать чужое на севере оказалось в разы больше, они облюбовали пещеры, и найти их главарей было не просто.

Прошло более восьми лет с момента появления наших способностей. Через полгода мне исполнится девятнадцать. Наш город — Астара — разросся до приличных размеров и благодаря влажному и тёплому климату процветал лучше остальных районов, поэтому и количество жителей увеличилось с немыслимой скоростью.

